

УДК 81'373+81'384

DOI: 10.17223/22274200/15/2

Е.Ю. Булыгина, И. Гарбуйо, Т.А. Трипольская

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Исследуется метафорическая интерпретация процесса говорения и способы лексикографирования метафоры в русских и итальянских словарях. Выявляются основные тенденции в развитии национально-специфических метафорических сюжетов. В разных языках в процессах метафоризации востребуются различные признаки одного и того же предмета, поэтому экспликация оснований переноса наименования актуальна для семасиологов и лексикографов. Изучаются глаголы говорения, образованные от наименований звуков, издаваемых животными (rigolare – пищать, miagolare – мяукать).

Ключевые слова: сопоставительная лексикология, лексикография, метафора, национально-культурный компонент, глаголы речевого поведения.

В статье исследуются метафорическая интерпретация речевого поведения и способы отображения метафорического потенциала языка, а также механизмы регулярной многозначности, представленные в разных лексикографических традициях.

Применительно к метафорическому значению проблема лексикографирования максимально полной информации о языковом знаке включает необходимость / возможность экспликации механизма метафоризации, представляющего особенности метафорического (логического и мифологического) освоения мира разными народами. В частности, это касается отражения в словаре оснований для переноса наименования, осмысления релевантных для говорящих признаков, которые увязывают в картине мира социума объекты, относящиеся к разным тематическим областям. Известно, что в разных языках в процессах метафоризации могут быть востребованы различные признаки одного и того же предмета, поэтому экспликация оснований метафорического переноса актуальна для исследователей и пользователей языка.

Метафора входит в зону прагматически маркированной лексики, при сопоставительном исследовании которой выявляется национально-культурный компонент в его связях и взаимодействии с другими

компонентами прагматической семантики: эмоционально-оценочным, гендерным, возрастным, социальным (статусным) и др. Актуальными для теоретической и практической лексикографии являются вопросы семантизации этой коммуникативно значимой информации.

Обсуждая вопросы о необходимой и достаточной информации о метафорическом значении в толковых словарях, обратимся к опыту разных лексикографических традиций. В настоящей статье рассматриваются метафорические глаголы говорения, которые образованы от наименований звуков, издаваемых животными (*щебетать, мычать, ворковать; pigolare – пицать, abbaiare – лаять, miagolare – мяукать*) в русском и итальянском языках.

В силу своей значимости лексика, репрезентирующая звучание вообще и говорение в частности, неоднократно выступала объектом изучения в отечественной лингвистике: большинство работ посвящено анализу ядерной части лексико-семантического поля «Звучание». Исследование лексем с семантикой звучания в русском языке проводилось в следующих аспектах: словообразовательном (А.Н. Тихонов и др.), лексико-грамматическом (М.А. Шелякин, А.Н. Тихонов и др.), фоносемантическом (С.В. Воронин, И.Г. Рузин, С.С. Шляхова и др.), лексико-семантическом (Н.А. Мишанкина, Н.А. Сколотова, Е.Л. Голубева, Г.В. Степанова, Л.М. Васильев, Т.Д. Сергеева и др.).

В современной итальянской лингвистике представлены в основном обзорные работы по теории метафоры [1], междисциплинарные [2] и специальные исследования метафоры как элемента художественного текста [3], как составляющей семантической системы языка и картины мира [4–7]. Специальных исследований по метафорам речевого поведения не предпринималось. Настоящая работа восполняет эту лакуну.

Когнитивная исследовательская парадигма дает возможность по-новому взглянуть на звучание как на способ восприятия мира и, следовательно, как на одну из возможных его моделей, воплощенных в языке. В центре внимания когнитивной лингвистики оказывается человеческое мышление в его соотношении с языком (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, Ж. Фоконье, Д. Герартс, А. Ортони, Ч. Филлмор, У. Чейф, А. Вежбицкая, Р.М. Фрумкина, Е.М. Кубрякова, Е.В. Рахилина, В.З. Демьянков и др.). В этой исследовательской парадигме метафора понимается как некий познавательный процесс и способ осмысления мира [8]: причиной возникновения метафоры является сопоставление семантических концептов, в значительной сте-

пени несопоставимых человеческим разумом, путем определенных ментальных операций. С одной стороны, метафора предполагает наличие сходства между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна репрезентировать сходство предметов, а с другой стороны, несходства между ними, так как метафора призвана создать некий новый смысл. Она основана скорее на соответствиях в нашем опыте, чем на логическом сходстве. «Область-источник» и «область-цель» не связаны по своему существу [9. С. 387–415]. Добавим, что это сходство часто приписываемое, а не реально выявленное.

Описание метафоры как существенного элемента языковой картины мира целесообразно осуществлять в сопоставительном аспекте, который позволяет выявить как национально-культурный феномен то, что в пространстве одного языка представляется не специфическим и не привлекающим внимание исследователя.

Контрастивный анализ, опирающийся на результаты предварительного системно-структурного описания, предполагает исследование семантики и функционирования не отдельных лексем, а целостных фрагментов лексической системы. Последнее позволяет вывить лексические и семантические лакуны, полное / частичное совпадение или несовпадение семантического объема языковой единицы, степень языковой детализации в интерпретации внеязыковой ситуации, а также значимость элементов лексической парадигмы. Е.В. Рахилина, анализируя задачи, методы и результаты современных типологических исследований в области лексики, пишет: «Для каждого семантического поля составлялись списки слов, покрывающих это поле в данном языке, и сопоставлялись контексты их употребления. Последующий семантический анализ позволяет получить информацию о значениях, когнитивно важных для носителей естественного языка <...>» [9. С. 10].

В данной статье описание системы метафорических значений было осуществлено на основе материала, извлеченного из:

– русских и итальянских лексикографических источников¹;

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4 (ТСУ–1935); Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984 (МАС); Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965 (БАС); Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с. (ТСОШ–1999); Активный словарь русского

– материалов языковых корпусов¹.

Лексикографическая фиксация метафорических значений в указанных словарях является неполной и непоследовательной.

В разных источниках по-разному представлены метафорические глаголы речевого поведения. В таких словах, как *бrehать*, *ворковать*, *каркать*, *крякать*, *кудахтать*, *лаять*, *мурлыкать*, *мычать*, *огрызаться*, *пищать*, *реветь*, *ржать*, *рычать*, *рывать*, *скулить*, *стрекотать*, *урчать*, *щебетать*, *трещать*, *гоготать*, *шипеть*, *фыркать*, *галдеть*, метафорическое значение, характеризующее человеческую речь, представлено в русских словарях. Ср.:

Квакать 1. Издавать звуки, похожие на «ква-ква» (о лягушке) // Издавать звуки, напоминающие кваканье лягушки. 2. Перен. Разг.-сниж. Говорить пустое, ненужное (ТСЕ); **квохтать** = **клохтать**. Обл. 1. О курах и других птичьих самках: **издавать короткие и громкие звуки** <...>. 2. Перен. О человеке: жаловаться, ворчать, охать (фам.) (ТСУ); **бrehать**. Прост. 1. Лаять. 2. Перен. Лгать, клеветать. *Что ты на меня бrehешь? Неправда, бrehут они* (ТСУ).

В ряде случаев словари фиксируют лишь представление о человеке, напевающем или выражающем эмоциональное состояние, издающем звуки, сходные со звуками животных, но пока еще не речевую характеристику:

Мурлыкать. Разг. 1. О кошках: тихо урчать. 2. Перен. (обычно в сочетании со словами: «себе под нос»). **Тихо, еле слышно напевать** (разг. шутил.). *Мишка всю дорогу мурлыкал песни*. Шлхв. (ТСУ); **крякать** 1. Издавать кряканье (об утке). 2. **Издавать отрывистые горловые звуки (в знак выражения какого-н. чувства; разг. фам.)**. *Пьет водку и крякает от удовольствия* (ТСУ).

языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1, 2. (АСРЯ); Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ; Астрель, 2006; Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. М. : АСТ; Астрель, 2002. Т. 1. (РАС); Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М. : ЭКСМО, 2009; Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano. Rizzoli Larousse. 2006 (DISC), Grande dizionario italiano dell'uso / ideato e diretto da Tullio De Mauro. Torino : UTET, ©1999–2000 (GRADIT); Словарь TRECCANI (<http://www.treccani.it/vocabolario/>).

¹ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 17.06.2018) и газетного корпуса итальянского языка Repubblica.it. URL: ricerca.repubblica.it/ (дата обращения: 17.06.2018).

Словари достаточно последовательно отражают связь производящих и производных метафорических значений следующим образом: а) через оттенок значения (**квакать** 1. <...> // Издавать звуки, напоминающие кваканье лягушки), б) через «промежуточное» самостоятельное значение (**мурлыкать** <...> 2. Издавать отрывистые горловые звуки (в знак выражения какого-н. чувства; разг. фам.), в) путем введения в дефиницию прямого значения описания звуков, издаваемых животными (**квакать** 1. Издавать звуки, похожие на «ква-ква» (о лягушке)).

В ряде случаев наблюдается избыточная актуализация мотивирующего признака. Однако речь идет об акустическом сходстве звуков или об их дифференциальных признаках, тогда как оценочный вектор, формирующий метафорическое значение, никак не отражается в словарной дефиниции.

Речевая практика свидетельствует о дальнейшем развитии семантической структуры слова и появлении переносного значения, описывающего речевое поведение человека и отражающего процесс развития регулярной многозначности под влиянием системных отношений внутри лексической парадигмы.

Ср.: *Наверное, товарищ Панкевич думает, что мы зря избавились от профессора, – продолжала мурлыкать Марина, – наверное, он по нему скучает...* (К. Шаинян. Бог из машины (2014)); *Я могу сказать вам это только совсем на ухо, – продолжала мурлыкать Катя Ивановна* (М. Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде (1923–1924)); *Тогда бы не каждый решился мурлыкать вам в ухо во время пения какой-нибудь знаменитой певицы, хлопать или шикать в театре, наперекор общему мнению, наступать на ноги без извинения, говорить на ваш счет дерзости, хоть не прямо в лицо, клеветать заочно распространять клевету намеками* (Ф.В. Булгарин. Воспоминания (1846–1849)).

Таким образом, по данным НКРЯ, глагол **мурлыкать** реализует следующие метафорические смыслы: *говорить нежным, грудным голосом, пытаться убедить собеседника в чем-либо или соблазнить его* (чаще о женщине); *говорить, будучи умиротворенным и довольным* (о женщине и о мужчине).

Однако наличие метафорической семантики у глаголов, которые обозначают звуки, издаваемые животными, русские толковые словари отражают непоследовательно. У лексем *кукарекать*, *мяукать*, *свистеть* и др. образные производные значения не фиксирует ни один из

словарей; а в словах *блеять*, *выть*, *гавкать*, *жужжать*, *заливаться*, *квохтать*, *клохтать*, *курлыкать*, *зудеть*, *гудеть*, *рыкать*, *тявкать*, *хрюкать*, *чирикать* и *цокотать* метафорическое значение представлено эпизодически.

Итальянские словари, в отличие от русских, достаточно последовательно регистрируют переносные значения у глаголов, которые обозначают звуки, издаваемые животными: *belare* (*блеять*), *mugolare* (*выть*, *пищать*, *скулить*), *guaire* (*скулить*), *miagolare* (*мяукать*), *muggiare* (*мычать*), *rigolare* (*пищать*) «говорить жалостливо, плакать, хныкать, всхлипывать»; *abbaiare* (*лаять*, *гавкать*, *бrehать*), *ruggire* (*рычать*), *ringhiare* (*рыкать*) «говорить со злостью, в порыве гнева» и др. Лишь небольшая часть метафорических значений словарями не зафиксирована, например: *uggiolare* (*выть*, *скулить*) в значении «говорить жалостливо, сопровождать речь всхлипами, плачем» и *nitrire* (*ржать*) в значении «говорить резко, пронзительно, неприятно».

В этих лексических фрагментах нет количественного соответствия в силу того, что звуковая картина мира по-разному детализирована в двух языках: *чирикать* и *щебетать* в русском соответствуют *garrire* в итальянском, а *бrehать*, *лаять*, *гавкать* и *тявкать* соответствуют словам *abbaiare* / *latrare* и др.; метафорические значения же *гоготать* и *галдеть* не являются синонимами, однако в итальянском языке они соотносятся с одним глаголом *schiamazzare* на основе общих сем громкости, резкости звука и часто неуместности речи; в ряде случаев в итальянском языке два (реже три) слова обозначают понятие, выраженное в русском языке одним словом. Например, *ragliare* и *bramire* соответствуют русскому *реветь*, *gracchiare* и *crocidare* – *каркать*.

О качественном соотношении исследуемых лексем речь пойдет дальше.

Если говорить о метафорообразующих признаках, то они вполне соотносимы в русском и итальянском языках: темп; понятность, разборчивость речи; достоверность / недостоверность речи; характер эмоциональной окраски речи; информативность / бессмысленность высказывания; многократное повторение одного и того же; уместность / неуместность высказывания; интенциональная характеристика высказывания – и не противоречат коммуникативным максимам Н.Р. Grice [10].

Глагольные метафоры речи имеют двойную семантическую мотивацию: метафорическое представление процесса говорения определя-

ется как минимум двумя факторами: 1) как мы слышим «животный мир», а слышат русские с итальянцами (и не только итальянцами) его по-разному (большинство звуков, издаваемых животными, воспринимаются носителями исследуемых языков неодинаково). Исключение составляют только «мяу» (miao) и «бе-е» (be-e); 2) существенную роль в становлении глагольной метафоры речи играет система зооморфных характеристик человека, которые являются многомерными, комплексными смысловыми единицами: в рамках одной национальной звуковой картины мира существуют варианты звукообразов и поведенческих образов, связанных с одним и тем же животным, что способствует образованию нескольких метафор, несущих в себе разные речевые характеристики – мы имеем дело с семным и семантическим варьированием лексемы.

Покажем это на примере глаголов *блеять* и *belare*:

блеять – издавать блеяние; **Блеяние** – крик овец и коз (МАС). Сходное толкование представлено в ТСУ. Только в Словаре Т.Ф. Ефремовой дается второе значение, однако признаки речевой метафоры не раскрываются: Блеять 2. Разг. **Издавать звуки, напоминающие блеяние.**

Видим, что собственно речевой характеристики не представлено: не указывается, какова речь и каков говорящий.

В «Активном словаре русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна фиксируется факт образного употребления, но без указания особенностей «блеющей» речи: Блеять – **Издавать голосом протяжные слегка дрожащие звуки** (об овцах и козах). Образные употребления применительно к речи человека: *Вот возьмут вам за глотку наши чекисты, заверещите тогда, будете блеять, что мы, мол, ничего не говорили* (И. Шкловский).

Аналоги: лаять, мекать, мычать, мяукать, ржать, хрюкать.

Дериваты: заблеять, проблеять, блеяние, бе-е-е, ме-е-е (АСРЯ).

Метафорические характеристики глагола складываются из звуковых особенностей и представлений человека о животном, издающем протяжные, слегка дрожащие звуки.

Толковые словари практически не фиксируют метафорический потенциал зоонима *овца*: в ТСУ дается устойчивое выражение *заблудшая овца*. От библейского образа овцы, отбившейся от стада (ритор.) О беспутном, сбившемся с правильного пути человеке. Ср.: в Иллюстрированном толковом словаре современного русского языка

В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной: **Овца** // уменьш. ласк. Овечка *прикинуться невинной овечкой*. В РАС же вполне очевидно выделяется две группы ассоциаций: 1) **глупая** (балда, дура, тупая дурак, глупый человек, глупость, дебил, тупица, тупой, тупость) и 2) **беззащитная** (безобидная, безответная, забитость, послушная, безгласная, бедная).

Кроме того, овца ассоциируется с трусостью (трусливая, трусость, страх), является бранным словом (обзывательство, овца паршивая) и соотносится с девушкой, женщиной (девица) (РАС, 2002, 1 том)¹.

Указанные ассоциации способствуют развитию следующих характеристик лица женского пола, демонстрируя динамические процессы в метафорической системе разных форм русского национального языка: «Овца. 2. Разг., пренебр. О робком, безответном человеке»². «Овца. 1. Мол. пренебр. Девушка, женщина. *Передай этой овце привет от меня* (СМЖ, с. 50 + Елистратов, с. 292; Югановы, с. 152). 2. Угол.; мел. Пренебр. или ирон. Свидетельница (ТСУЖ, с. 120; Балдаев), 1, с. 288). 3. Угол. пренебр. Жертва преступления (Балдаев, 1, с. 288)»³.

Корпусный анализ зооморфизма *овца* позволяет подтвердить, что обозначенный жаргонными словарями вектор метафоробразования характерен и для русского литературного языка: семантика «робкий, безответный, жертва, напуганный» и т.д. регулярно реализуется в коммуникативной практике. Учитывая названные характеристики зооморфизма, попытаемся выявить семантико-прагматический потенциал глагола речи *блеять*, лексикографически не до конца осмысленного. Проиллюстрируем развитие семантической структуры полисеманта, включающего самостоятельные метафорические значения и / или его оттенки.

• **Говорить / смеяться голосом, похожим на блеяние (блеяние – прерывистый, жалобный звук)**

Будяев начинал *блеять*, как умирающий от изнеможения баран (А. Волос. Недвижимость (2000) // Новый мир. 2001); *Я уже давно смеялся каким-то дрожащим козлиным смехом – я представлял себе дуэль без штанов, а в горле у меня закипали слезы. Оказывается, над Гамлетом (над Гамлетом!) можно было смеяться. Я перестал блеять и посмотрел на него* (М. Анчаров. Сода-солнце (1970–1980)).

¹ Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. М. : АСТ; Астрель, 2002. Т. 1 (РАС).

² Первый толковый БЭС. М. ; СПб. : РИПОЛ-НОРИНТ, 2006.

³ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : НОРИНТ, 2001.

• **Говорить неразборчиво, невнятно, смущенно, неуверенно, со страхом, виноватым, извиняющимся голосом**

И это значит, я говорю плохо, и от смущения начинаю еще хуже блеять и мычать (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы // Звезда. 2001); *Перестав блеять, она испуганно глазела на людей* (Ю. Дружников. Виза в позавчера (1968–1997)); *Аристо начал, было, что-то блеять, но Энцо оборвал его* (Г.Ф. Грин. Кетополис Киты и броненосцы (2001)); *Просто помогал людям. – Короче, хватит блеять, благодетель хренов! – Шальной подвинул к Тарасюку бумагу и карандаши* (А. Ростовский. Русский синдикат (2000)).

• **Говорить излишне мягко, интеллигентно, без полемического напора**

А если мы будем млет и блеять – читать будут только «Завтра» (А. Минкин. Я никого не пачкаю. Люди пачкаются сами. Я просто включаю свет (1995) // Общая газета, 1995.07.26).

• **Говорить раболопно, подобострастно**

У Макса Штирнера есть один циничный, но меткий афоризм: – Предоставьте овцам свободу слова: все равно, они будут только блеять. Слишком долго наша интеллигенция исповедовала и проповедовала «оппозицию, как мировоззрение», чтобы не пришла Немезида. Видно, слишком уж односторонне и однообразно пользовалась она своей относительной свободой, раз история подикутила над ней такую неслыханно злую шутку. «Довольно-де блеять о высшей политике» (Н.В. Устрялов. Россия (У окна вагона) (1926)).

По данным НКРЯ, доминирующим является значение «говорить неуверенно, тихо, неразборчиво, невнятно, испытывая смущение или страх, униженно оправдываться». Рассматриваемая метафора представляет собой сложный семантический комплекс, актуализируя, кроме речевой характеристики, значение поведения и моральных качеств человека (своего рода совмещенный предикат): «безропотность, беззащитность, безответность, забитость». Все эти смыслы сочетаются с разной степенью негативной оценки.

Отметим, что зооморфизмы *коза, козел* в формировании речевой метафоры практически не участвуют, употребляясь как ругательства. Исключение составляет выражение *козлиный смех* – блеющий, дребезжащий звук.

В итальянском языке глагол **belare** (блеять), также опирающийся на междометие бе-е и на соответствующий зоообраз, вступает в си-

нонимические отношения с глаголами *guaire* (скулить – о человеке – жалобно плакать, жаловаться) и *miagolare* (мяукать – хныкать, жаловаться) и реализует следующее метафорическое значение: «говорить жалобно, плакать, хныкать, всхлипывать», что, как видим, семантически не совпадает (особенно в оценочной составляющей) с речевым глаголом в русском языке: *блеять* – «говорить неуверенно, тихо, неразборчиво, вызывая раздражение или жалость».

Ср.: **belare**

[**be-là-re**] **v.intr.** (aus. *avere*; *bèlo* ecc.) [**sogg-v**] **1.** Emettere belati: *le pecore belano* (Издавать бление: овцы блеют). **2.** fig. Esprimersi con voce lamentosa; cantare in maniera sdolcinata: *il coro belava pietosamente* (Перен. Говорить что-л. жалобным голосом; петь приторным голосом); Belato (бление) [**be-là-to**] **s.m.** (DISC)

Чтобы понять логику развития метафоры речи, обратимся к итальянскому зооморфизму *pecora*. Ср.:

Pecora (овца)[**pè-co-ra**] **s.f.**

1. (**m. ariete o montone**) Mammifero ruminante di media grandezza, diffuso in tutti i paesi del mondo e allevato per il latte, la carne e la lana; nella lingua comune, si intende l'individuo adulto di sesso femminile: *un gregge di p.*; *tosare le p.* || fig. **p. nera**, persona che all'interno di un gruppo si distingue dagli altri per caratteristiche negative ((овен или баран) Жвачное млекопитающее средней величины, распространенное во всех странах мира, выращиваемое для получения молока, мяса и шерсти; в разговорном языке употребляется для обращения к взрослому субъекту женского пола: стадо овец, стричь овец || перен. Черная овца, человек, который внутри группы отличается от других негативными характеристиками) (DISC).

2. fig. Persona sciocca, stupida, oppure paurosa, codarda: *comportarsi da p.*; persona sotto messa e servile: *fare la p. con i potenti* (Глупый, беспомощный человек или боязливый, трусливый: вести себя как овца; покорный и по-рабски угодливый человек: вести себя как овца с сильными мира сего (с теми, кто имеет власть)) (DISC).

3. (**spec. pl.**) Nel l. religioso, fedeli, più freq. in forma dim. (pecorelle) (В религии христиане чаще используют в уменьшительно-ласкательной форме (овечка) (DISC).

Как видим, полисемная метафора явно тяготеет к образованию самостоятельных переносных значений.

Как мы видим, в итальянской картине мира овца тоже воспринимается как **глупое, покорное, беспомощное животное**. Последние смыслы являются донорами для выводных сем «угодливость» и «трусость». Ср.: в итальянском языке есть поговорка *fare la pecora* (вести себя как овца), которая обозначает *seguire ordini senza fare domande* (выполнять приказы, не задавая вопросов), а также существительное *pecorone*, которым итальянцы часто называют робкого, безынициативного человека, конформиста: *una banda di pecoroni* (стадо баранов, о людях). Все эти смыслы сопровождаются негативной оценочной семантикой разной степени категоричности.

Акустические характеристики звуков, издаваемых животными, а также зоообраз в сознании говорящих порождают следующие метафорические смыслы глагола *belare*, которые отражают толковые словари:

• **Издавать долгий, протяжный плач; пение, приторная и жалобная декламация**

1. Verso tipico delle pecore e delle capre (*типичный звук, издаваемый овцой или козой*); 2. fig. Lamento, piagnisteo; canto, recitazione sdolcinati e lamentosi (Перен. Вопль, долгий, протяжный плач; пение, приторная и жалобная декламация) (DISC).

Отметим, что в фигуральном значении лексикографы объединили речевые (приторная и жалобная декламация) и неречевые (пение, плач) характеристики, обусловленные сходством с блеющими звуками.

В итальянских контекстах достаточно часто встречается значение, редкое в русском языке: «плакать, оплакивать кого-то или что-то». Например: ...*Malù, che bela il suo rimpianto per le campagne perdute...* (...*Малу бляла, оплакивая потерянные деревни...*) Bevilacqua A. *Un cuore magico*, 1993. Или: *Quell'uguale belato era fraterno al mio dolore* (Такое же блеяние было сродни моей боли) (Saba U. *La capra*: in «*Poeti italiani del novecento*», 1979).

• **Издавать неприятные, неблагозвучные звуки**

Данное значение, закрепленное в итальянских словарях, не является частотным: *Non posso perdere tempo con lei», risponde con belare cacofonico, e chiude la comunicazione* (*Я не могу терять с вами время», – отвечает он, неприятно и невнятно бляя, и завершает общение*) (La Repubblica – 31 dicembre 2006 – pagina 15 sezione: TORINO).

• **Говорить мягко, уступчиво в противоположность жесткому тону собеседника**

A meno che lo Stato non voglia fare la voce grossa coi fumatori e belare coi lanciatori di molotov (Если только государство не хочет говорить грубым голосом с поджигателями и не хочет блять с метателями «Коктейля Молотова» (бутылка с зажигательной смесью)) (La Repubblica – 31 gennaio 1994 – pagina 35 sezione: SPORT).

• **Говорить растерянно, неуверенно, жалким тоном**

Avevo visto Fitto forte e ruggente come un leone. Ora l' ho visto un po' belare (Я видел Фитто сильным и ревущим как лев. Только что я его видел слегка бляющим) (La Repubblica – 26 marzo 2005 – pagina sezione: FORUM)

Здесь говорящий, благодаря употреблению двух антонимичных глаголов *реветь* и *блять*, отражает изменения в поведении, произошедшие с итальянским политиком Рафаэлле Фитто: он противопоставляет образ уверенного, отлично контролирующего ситуацию министра с тем, каким он его видел в последнее время: неуверенным, растерянным, не могущим подобрать нужные слова, чтобы точно и ясно выразить мысль.

Как видим, русский глагол *блять* и итальянский *belare*, опираясь на общую звуковую основу, развивают нетождественные в денотативном и коннотативном плане значения: «говорить жалобным, плачущим голосом» (ит.) и «говорить неразборчиво, невнятно, неуверенно, смущаясь» (рус.). Однако дальнейшее сémное и сémантическое варьирование ведет к сémантическим сближениям и расхождениям: о неуверенной, смущенной, излишне мягкой, трусливой, раблепной манере говорения в обоих языках; о приторной и жалобной декламации в итальянском и о козльном смехе и голосе в русском.

Выделенные признаки обычно объединяются, формируя объемную (сложную) характеристику речи по нескольким параметрам. Можно попытаться наметить подобные комплексы признаков, которые связаны между собой каузальными связями, с точки зрения говорящих: слишком быстрый / медленный темп речи ведет к непониманию адресатом смысла высказывания; прерывистый, тихий голос – к неуверенности говорящего; быстрая речь предполагает эмоциональный фон (волнение, злость, радость, нежность, страх и пр.), скорость связывают с неразборчивостью речи, с неглубоким содержанием, путаницей и многократным повтором. При всем многообразии смыслового варьирования оценка остается негативной и в русском, и в итальянском языках.

По предложенной выше схеме семантико-прагматического сопоставительного анализа исследованы и другие единицы поля говорения (зооморфизмы и глаголы речи в их соотношении). В результате можно выделить разные типы соотношения метафорических глаголов речи в двух языках.

1. Случаи относительно полного семантического совпадения:

- *Guaiare* – *выть*, *скулить*, *uggiolare* – *скулить* в значении «говорить жалостливо, плакать, хныкать, всхлипывать».

- *Ronzare* – *жуужжать*, *гудеть* в значении «говорить назойливо, непрерывно, длительно, настойчиво».

- *Abbaire* – *лаять*, *digrignare* – *огрызаться*, *rugpire* / *ringhiare* – *рычать*, *рыкать* в значении «говорить со злостью, в порыве гнева; говорить раздраженно, враждебно».

- *Cicalare* / *cicaleggiare* – *стрекотать*, *трещать* в значении «говорить быстро и непрерывно о чем-то незначительном» (о детях и молодых девушках).

- *Tubare* – *ворковать* в значении «говорить ласково, нежно, вполголоса» (обычно о влюбленных).

- *Grugnire* – *хрюкать*, *belare* – *блеять* в значении «неразборчиво говорить, когда внимание слушающего отвлекается на произносительные особенности говорящего».

- *Cinguettare* – *чирикать*, *щебетать* (употребляется по отношению к детям в значении «говорить быстро, тонким, пронзительным голосом; говорить возбужденно и весело»).

- *Gracidare* – *квакать*, *крякать* употребляются в значении «говорить глупости, не к месту», а также «говорить пронзительно, неприятно». В обоих языках на первый план выступают семы «пронзительный, неприятный характер голоса» и «бессодержательная, глупая речь». Отметим, что в итальянском языке, в отличие от русского, *gracidare* в значении «издавать пронзительный звук» часто встречается в сочетании с неодушевленными существительными, обозначающими разные технические устройства (радио, микрофон и т.п.): *Gracida il microfono del dj: «A gentile richiesta, Tango della gelosia»* (Скрипит микрофон ди-джея: «По специальному заказу, песня «Tango della gelosia») (La Repubblica – 25 maggio 2007 – pagina 1, sezione PRIMAPAGINA).

2. Случаи частичного семантического совпадения связаны 1) с разным семантическим объемом полисеманта: в одном языке есть

метафора о смехе / плаче / вопле, а в другом имеется уже и речевая характеристика; 2) в разных языках фиксируются разные речевые характеристики: от сходной звуковой семантики появляются разные выводные семы, характеризующие различные качества речи и поведения человека.

• *Schiamazzare* – галдеть, гоготать, кудахтать в значении «шуметь, говорить развязно, часто неуместно, сильно смеяться». В русском языке у глагола *гоготать* обычно реализуется значение «неуместно, громко смеяться», у глагола *галдеть* – «шуметь, говорить громко и развязно, перебивая друг друга», у глагола *кудахтать* – «о взволнованной, суетливой, беспокойной речи». Отметим, что в итальянском языке указанные смыслы концентрируются вокруг семантического стержня «громкое проявление речевого и неречевого поведения» в границах одного слова, а в русском языке наблюдается дифференциация значений и закрепление речевых / поведенческих характеристик за отдельными лексемами.

• *Miagolare* – мяукать, *pigolare* – плакать соотносимы в значении «говорить жалостливо, плакать».

В итальянском языке глагол *miagolare* в переносном значении применим к любому говорящему, в то время как *pigolare* – прежде всего к ребенку: «*Ho sbagliato, non volevo finisce così*», – *miagola all'indirizzo di Dani Pedrosa giustamente detto Paperino, il compagno di squadra* («Я ошибся, я не хотел, чтобы все так закончилось», – хныкал одноклубник перед Дани Педроса, конечно же, называемом Паперино) (La Repubblica.it – 26 settembre 2013, Marquez, il pericoloso vi...); *Sento il pigolare delle scolaresche in fregola per le vacanze* (Слышу жалобный шум школьников, которые страстно желают начало каникул) (La Repubblica – 07 agosto 2011 – pagina 1 sezione FIRENZE).

Кроме того, контекстный анализ показывает, что глагол *pigolare* нередко используется в значении «настоятельно, надоедливо просить» и данное значение не содержит указания на возраст: *Dice Giordana: «Vorrei fare un rovesciamento concettuale, non si tratta di lamentarsi o di pigolare aiuti come dice Zeffirelli...»* (Джордана говорит: «Я хотел бы совершить концептуальный переворот, речь не о том, чтобы жаловаться или хныкать, выпрашивая помощь, как говорит Дзеффирелли»)... (La Repubblica – 15 ottobre 2005 – pagina 55, sezione SPETTACOLI)

Следует также отметить, что глагол *miagolare* в итальянском языке употребляется в значении «говорить, напевать что-либо слабым или

дрожащим голосом», что в русском языке можно передать через глагол *мурлыкать* (*fare le fusa*): *Il silenzio rotto soltanto dal ronzio dell'aria condizionata o dalla radio del bardi sotto che miagola Despacito* (Молчание нарушено лишь шумом кондиционера или радио в баре внизу, которое **мурлыкает** песню *Despacito*) (La Repubblica, 30 luglio 2017, L'estate di Don Chisciotte).

В русском языке значение «плакать, говорить писклявым голосом; жалобно и плаксиво» связано с глаголом *пищать*, который употребляется в основном по отношению к детям – «плакать» и «жаловаться»: *Как ребяенок народится да как начнеть по ночам **пищать**, тут из них, из мужиков, вся поганая порода наружу лезть!* (И. Муравьева. Ляля, Наташа, Тома, 1991); *Девочка не давалась, начав **пищать** тонким, жалким голосом, на одной ноте, как заяц* (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2. 1988); «жалобно упрашивать»: *А уж потом весь Лицей стал **пищать**, чтоб пригласили к нам Филиппа Ривьера!* (Г. Полонский. Роль в сказке для взрослых, или «Таланты и Полковники». 1970–1980). Применительно к женщинам глагол *пищать* реализует семантику «проявлять разные чувства особым писклявым голосом»: *Он любил повторять: «Предоставьте барышням **пищать**: Ах, как мне нравится!* (М.Л. Гаспаров, Омри Ронен. Похороны солнца в Петербурге // Звезда. 2003); а применительно к взрослым – «жаловаться, проявляя слабость»: *«**Не пищать!**» Этот зазорный лозунг помогал комсомольцам 50-х* (С. Козлов. «Не пищать!» // Правда. 2004.10.29).

Глагол *мяукать* обозначает речь взрослого человека, чаще женщины, стремящейся соблазнить мужчину, привлечь к себе внимание; а также говорящей пошлые и банальные вещи (с точки зрения мужчины). Ср.: *И вот свои строки она начала дико **мяукать**, строки признания мне в любви* (С. Шаргунов. Ура! 2003); *Я еду тихо, но не останавливаюсь, потому что знаю по опыту, как это опасно: набегит банда проституток, хорошенькие, юные девочки распахнут дверцы, влезут в машину, начнут щебетать, **мяукать**...* (А. Ким. Белка. 1984); *Это тебе не мышей мучить и не подружкам пошлости **мяукать**...* (А. Дмитриев. Голубев. 1988).

Частичное семантическое совпадение наблюдается и у других глаголов рассматриваемой группы: *gracchiare* – *каркать*; *ragliare, bramiare* – *реветь* в значении «говорить резко, пронзительно, неприятным голосом»; *ragliare*, в отличие от русского глагола *реветь* «говорить грубым зычным голосом», иногда употребляется в значении «го-

ворить или писать глупости» (данное значение связано с образом осла, которому итальянцы приписывают глупость); *fischiare* – *свистеть* в значении «судить, не одобрять, порицать». В русском языке данное значение используется у глагола *освистать* / *освистывать*, а от глагола *свистеть* самая распространенная метафора – «врать».

3. Случаи полного семантического несовпадения

В качестве примеров полного семантического несовпадения приведем русский глагол *брехать* и итальянские глаголы *abbaiare* «бредить, лаять» и *latrare* «гавкать, тявкать». В этих глаголах преобладают характеристики произносительных особенностей, на которые наслаиваются поведенческие.

Брехать развивает только одно метафорическое значение «лгать, клеветать» (например: *Что ты на меня брешешь? Неправда, брешут они* (ТСУ)), не зафиксированное в итальянском, в то время как *abbaiare* и *latrare* развивают семантику «говорить со злостью, в порыве гнева». В русском же языке это последнее значение передается при помощи глаголов этого же синонимичного ряда, таких как *лаять* «ругать/ся, бранить/ся» и *гавкать* «ругать, огрызаться в ответ» (ТСУ); дополним это значение статусным компонентом: «адресат выше по статусу, чем говорящий». Таким образом, семантическое несовпадение наблюдается у глагола *брехать*, а в целом синонимические ряды вполне соотносимы в двух языках.

Подведем итоги: результаты метафорообразования в русском и итальянском языках в существенной мере зависят от восприятия звуков, издаваемых животными, и от семантико-прагматической характеристики зооморфизма, причем в ряде случаев доминирует зообраз (*блеять*), в других ситуациях, когда зооморфизм находится на периферии метафорической системы, направление метафорическому процессу задает характер звуков: *проквакать*, *прокрякать* и др. – «не к месту, глупо, раздражающе говорить».

Результаты анализа фрагментов метафорической картины мира двух языков могут быть лексикографически интерпретированы и представлены в Базе данных прагматически маркированной лексики [11, 12], разработанной коллективом лингвистов Новосибирского государственного педагогического университета. В ней фиксируется, кроме оценочного, гендерного, возрастного и статусного компонентов, и национально-культурный, выявляемый только путем специального сопоставительного анализа.

Литература

1. *Casadio C.* Itinerario sulla metafora. Aspetti linguistici, semantici e cognitive. Roma : Bulzoni, 1996. 157 p.
2. *Danesi M.* La metafora nel pensiero e nel linguaggio. Brescia : Editrice La Scuola, 2003. 167 p.
3. *Ghiazza S.* La metafora tra scienza e letteratura. Firenze, Le Monnier, 2005. 483 p.
4. *Casadei F.* Alcuni pregi e limiti della teoria cognitivista della metafora // *Lingua e Stile*. XXXIV. 1999. № 2. P. 167–180.
5. *Danesi M.* Lingua, metafora e concetto. Vico e la linguistica cognitiva. Bari : Edizioni dal Sud, 2001. 136 p.
6. *Nicole S.* La cognizione metaforica. Concetti, metafore e immaginazione, Giovanni Fioriti Editore. Roma, 2005. 122 p.
7. *Мусси В.* Глагольная метафора в русском и итальянском языках (на материале русских и итальянских глаголов с «энтомологическим» значением) // *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 3. С. 167–176.
8. *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // *Теория метафоры* / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 358–386.
9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры* / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.
10. *Рахилина Е.В.* Introducción. O moskovskoy leksiko-tipologicheskoy grappe (MLEXT) // *Tipologíalexica*. Granada: Edita: Jizo Ediciones. 2013. P. 9–16.
11. *Grice H.P.* Logic and conversation // *Syntax and semantics* // ed. by P. Cole and J.L. Morgan. N.Y. : Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
12. *Басалаева Е.Г.* Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2016. № 6. С. 112–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.09>
12. *Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.* База данных «Прагматически маркированная лексика русского языка»: материал, принципы описания, возможности использования // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2016. № 6. С. 70–85. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.06>

Metaphorical Verbs of Speaking in Russian and Italian: Semantic-Pragmatical and Lexicographical Aspects

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 17–35.

DOI: [10.17223/22274200/15/2](https://doi.org/10.17223/22274200/15/2)

Elena Yu. Bulygina, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Ilaria Garbujo, Catholic University of the Sacred Heart (Milan, Italy). E-mail: ilariagarbujo@gmail.com

Tatiana A. Tripolskaya, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Keywords: comparative lexicology, lexicography, metaphor, national-cultural component, Russian pragmatically marked lexicon database.

The article is devoted to the study of the metaphorical interpretation of extralinguistic reality and ways of a lexicographic display of metaphorical meanings in explanatory dictionaries of different languages.

The study reveals the common and the different in the metaphorical picture of the world, which allows outlining the main trends in the development of nationally specific metaphorical plots. In the processes of metaphorization, different languages claim various attributes of the same object; therefore, the explication of the bases of a metaphorical transfer is relevant for semasiologists and lexicographers.

Metaphor is in the zone of pragmatically marked vocabulary, so a comparative study reveals a national cultural component in its interaction with other components of pragmatic semantics. Questions of semantization of communicatively meaningful information are relevant for theoretical and practical lexicography.

The article deals with metaphorical verbs of speaking formed from the names of sounds produced by animals (chirping, mumbling, cooing; pigolare – singing, abbaiare – barking, miagolare – meowing) in Russian and Italian.

Dictionaries fairly consistently reflect the relationship between producing and derived meanings actualizing the similarity of the sounding (laughter, crying, voice features), but the semantics of speaking is rarely recorded in Russian dictionaries and is slightly more consistent in Italian. The authors focus on the acoustic similarity of sounds or their differential signs, whereas the estimated vector forming a metaphorical meaning is not reflected in the dictionary definition.

Metaphor-forming signs are fully correlated in the two languages: tempo, intelligibility, legibility of speech, authenticity/unreliability of speech, character of emotional coloring of speech, pithiness/senselessness of the utterance, repetition of the same, relevance/inappropriateness of the utterance, intentional characteristics of the utterance; and they do not contradict the communicative maxima of H. Paul Grice.

Verbal speech metaphors have a double semantic motivation: the metaphorical representation of the process of speaking is determined by at least two factors: (1) how we hear the “animal world”, but we hear it differently from the Italians (and not only the Italians). The only exception is “miao” and “be-e”; (2) the system of man’s zoomorphic characteristics, which are multidimensional, complex semantic units, play an important role in the development of the verbal metaphor of speech.

As a result of the study, the authors distinguish different types of correlation of metaphorical verbs of speech in the two languages: (a) a relatively complete semantic coincidence; (b) a partial semantic coincidence; (c) a complete semantic mismatch. A partial coincidence of the metaphorical meaning in the two is the most common.

The results of the analysis of fragments of the metaphorical picture of the world of the two languages can be lexicographically interpreted and presented in the database of pragmatically labeled vocabulary, which fixes evaluation, gender, age, status components, and a national-cultural one revealed only through a special comparative analysis.

References

1. Casadio, C. (1996) *Itinerario sulla metafora. Aspetti linguistici, semantici e cognitive*. Roma: Bulzoni.
2. Danesi, M. (2003) *La metafora nel pensiero e nel linguaggio*. Brescia: Editrice La Scuola.
3. Ghiazza, S. (2005) *La metafora tra scienza e letteratura*. Firenze: Le Monnier.
4. Casadei, F. (1999) Alcuni pregi e limiti della teoria cognitivista della metafora. *Lingua e Stile*. XXXIV (2). pp. 167–180.
5. Danesi, M. (2001) *Lingua, metafora e concetto. Vico e la linguistica cognitiva*. Bari: Edizioni dal Sud.
6. Nicole, S. (2005) *La cognizione metaforica. Concetti, metafore e immaginazione*. Roma: Giovanni Fioriti Editore.
7. Mussi, V. (2012) Verbal metaphor in the Russian and the Italian language (based on Russian and Italian verbs with an “entomological” meaning). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 167–176. (In Russian).
8. MacCormac, E.R. (1990) Kognitivnaya teoriya metafory [Cognitive theory of metaphor]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
9. Lakoff, G. & Johnson, M. (1990) Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
10. Rakhilina, E.V. (2013) Introducción. O moskovskoy leksiko-tipologicheskoy gruppe (MLEXT) [Introduction. On the Moscow lexico-typological group (MLEXT)]. In: Tirado, R.G. & Votyakova, I.A. (eds) *Tipologialexica*. Granada: Edita: Jizo Ediciones.
11. Grice, H.P. (1975) Logic and conversation. In: Cole, P. & Morgan, J.L. (eds) *Syntax and semantics*. Vol. 3. N.Y.: Academic Press.
12. Basalaeva, E.G. (2016) The pragmatic component and ways of its semantization in the electronic database. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 112–125. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09
12. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06